

«Кодекса» Юстиниана, с другой стороны. От классического римского типа правопорядка, для которого было характерно господство юридической доктрины в качестве основного источника права и казуистический метод изложения правовых норм, римское право нашло дорогу к новой системе, в которой право юристов вытеснено государственным нормотворчеством, а основным источником права является закон (с. 156). Представляется, что выводы, полученные в данном исследовании, послужат базой для дальнейших изысканий на почве римского права постклассического периода, столь часто незаслуженно оставляемого в небрежении.

А.В. Марей

© 2008 г.

ПРОБЛЕМА ПАТРОНАТА И КЛИЕНТЕЛЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В НОВОМ ИЗДАНИИ «КЕМБРИДЖСКОЙ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»

Согласно концепции М. Гельцера и его последователей¹, которая восходит к идеям Н.Д. Фюстеля де Куланжа², ключевую роль в политической системе Римской республики играла сеть персональных связей (клиента, дружественные и родственные отношения), так как именно она обеспечивала безраздельное господство нобилитета в государстве. До недавнего времени концепция Гельцера преобладала в зарубежной науке, однако на исходе XX века она подверглась критике с разных сторон и утратила свои позиции. Становится актуальным вопрос: как этот поворот в историографии отразился на исследовании патроната и клиентелы? И какое место, по мнению современных антиковедов, занимали эти связи в политической жизни Рима?

Самой фундаментальной работой недавних лет, отразившей основные достижения науки об античности, стало новое издание «Кембриджской древней истории». Анализ важнейших проблем, связанных с античными обществами, в этом труде занимает очень значительное место (первое издание в большей степени было посвящено «событийной истории»). В проекте приняли участие ведущие исследователи современности, и концепции, отраженные в этой работе, представляют «мейнстрим» мировой науки. Однако точки зрения известных историков не всегда совпадают, и в разных главах коллективного труда одни и те же проблемы могут получить различное освещение. О патронате и клиентеле в республиканский период писали несколько авторов, в издании представлен целый спектр мнений по этому вопросу. По всем этим причинам освещение данной проблемы в «Кембриджской древней истории» заслуживает особого внимания.

Серьезное влияние на позиции авторов издания оказал ряд работ, опубликованных после 1980 г. Труд К. Хопкинса и Г. Бёртона заставляет пересмотреть традиционное мнение о контроле нобилитета над консулатом. Состав римской политической элиты постоянно изменялся, многие аристократы не достигали высших магистратур³. Мнение о жестко-олигархическом характере римской государственной системы оспорил Ф. Миллар: его концепция «римской демократии» в целом не получила поддержки антиковедов, но породила очень плодотворную дискуссию в современной историографии⁴. П. Брант подверг разрушительной критике представления

¹ *Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik. Lpz.–B., 1912 (англ. пер. Р. Сигрепа: Gelzer M. The Roman Nobility. Oxf., 1969); Taylor L.R. Party Politics in the Age of Caesar. Berkeley–Los Angeles, 1961; Scullard H.H. Roman politics 220–159 B.C. 2nd ed. Oxf., 1973; Syme R. The Roman Revolution. Oxf., 1939; Wistrand E. Caesar and Contemporary Roman Society. Göteborg, 1979.*

² *Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя в Древней Франции / Пер. с фр. В 6 т. СПб., 1901–1916. Т. 5. С. 263–287. Гельцер признает свою зависимость от идей Фюстеля де Куланжа относительно клиентелы (The Roman Nobility. P. 62).*

³ *Hopkins K., Burton G. Political Succession in the Late Republic (249–50 BC) // Hopkins K. Death and Renewal (Sociological Studies in Roman History. Vol. 2). Cambr., 1985. P. 31–119. Противоположная точка зрения: Gelzer. The Roman Nobility. P. 52–53.*

⁴ *Millar F.G.W. The Political Character of the Classical Roman Republic, 200–151 B.C. // JRS. 1984. 74. P. 1–19; Смышляев А.Л. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) // ВДИ. 2003. № 3. С. 46–60; Смышляев А.Л., Одегова Е.А. Проблема «римской демократии» в современной зарубежной историографии // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 64–78.*

Гельцера и его последователей о клиентеле, дружбе, *factiones* и их политическом значении⁵. По его мнению, персональные связи не играли серьезной роли в политической жизни республиканского Рима.

Однако именно в это время патронат и клиента изучаются особенно плодотворно: появились известные монографии Н. Рулана, Ж.-М. Давида и Р. Сэллера⁶. Позднее увидел свет сборник «Патронат в античном обществе» (под редакцией Э. Уоллис-Хэдрилла)⁷. Уоллис-Хэдрилл критикует последователей Гельцера за упрощенный и схематичный подход к проблемам патроната. По его мнению, данные связи не могут быть универсальным «ключом» к пониманию римской политики. Напротив, это одна из конкурирующих систем или «методов приобретения могущества» наряду с родственными и соседскими связями, правом и государственными институтами⁸. Этот подход делает возможным исследование патроната и клиентелы вне гелльцеровской парадигмы.

Под влиянием новых работ все авторы «Кембриджской древней истории»⁹ в той или иной степени отходят от традиционных представлений о персональных связях, однако не все они полностью отвергают идеи Гельцера¹⁰.

Впервые проблему римской клиентелы рассмотрел на страницах «Кембриджской древней истории» Э. Драммонд¹¹. Большое влияние на позицию Драммонда¹² оказала известная работа П. Бранта, посвященная клиентеле¹³, в которой изучен и материал ранней республики¹⁴.

Из-за плачевного состояния источников отношения патроната-клиентелы в этот период принадлежит к числу сложнейших вопросов. Автор (вместе с П. Брантом) отрицает достоверность двух основных источников по ранней клиентеле: знаменитое свидетельство Дионисия Галикарнасского о правах и обязанностях патронов и клиентов по «законам Ромула» (Dion. Hal. Ant. Rom. II. 9–11), полное анахронизмов, и указание Феста (Fest. 288–289 L.), основанное на этимологических рассуждениях¹⁵. Ливвианская традиция и Законы XII таблиц предоставляют немного данных о характере персональных связей.

Остается, по мнению автора, исходить из информации о положении свободнорожденных клиентов в период Средней и Поздней республики: в это время узы клиентелы были неформальными и (по крайней мере, в теории) добровольными отношениями. Клиент не становился членом рода патрона, клиентела не поражала его гражданских и имущественных прав. Нахождение свободнорожденного *in fide* предполагало, в основном, лишь моральные обязательства с обеих сторон.

При таком методе исследования невозможно доказать, что клиенты в древности были особой сословной группой, а клиентела была связана с прекарием и с личной зависимостью¹⁶: в надежных источниках таких сведений нет, с данными о положении клиентов в позднейшие эпохи эти сведения совершенно не согласуются¹⁷.

⁵ Brunt P.A. The Fall of the Roman Republic and Related Essays. Oxf., 1988. P. 351–502, esp. 381, 441–442, 502.

⁶ Rouland N. Pouvoir politique et dépendance personnelle dans l'Antiquité romaine. Genèse et rôle des rapports de clientèle. Bruxelles, 1979; David J.-M. Le patronat judiciaire au dernier siècle de la République romaine. Rome, 1992; Saller R.P. Personal Patronage under the Early Empire. Cambr., 1982. До появления книги Сэллера патронат в эпоху империи редко привлекал внимание историков. Положение изменилось. Но значение этой работы выходит за рамки исследования принципа.

⁷ Patronage in Ancient Society / Ed. by A. Wallace-Hadrill. N.Y., 1989.

⁸ Wallace-Hadrill A. Patronage in Roman Society: from Republic to Empire // Ibid. P. 68–71; *idem*. Introduction // Ibid. P. 7 f.

⁹ Здесь и далее речь идет о втором издании «Кембриджской древней истории».

¹⁰ Следует также отметить, что, если VII и VIII тома вышли в свет в 1989 г., то том IX – уже в 1994 г. При этом некоторые материалы были подготовлены ранее: Э. Роусон, один из редакторов IX тома, умерла в 1988 г., но успела подготовить для этого тома две главы.

¹¹ Drummond A. Rome in the Fifth Century I. The Social and Economic Framework // C.A.H. (2nd ed.). Vol. VII. Pt. 2. Cambr., 1989. P. 113–171.

¹² Это отмечает сам автор (Ibid. P. 159).

¹³ Brunt P.A. Clientela // *Idem*. The Fall of the Roman Republic... P. 382–442. Э. Драммонд участвовал в обсуждении этого очерка еще до появления работы в печати (Ibid. P. 382).

¹⁴ Ibid. P. 414–424.

¹⁵ Подробная аргументация: Ibid. P. 402 ff.

¹⁶ Дионисий (Ant. Rom. II. 9. 2) сравнивает клиентов с фессалийскими пенестами и фетами ранних Афин лишь для того, чтобы подчеркнуть различие между ними (Brunt. The Fall of the Roman Republic... P. 404 f.).

¹⁷ Drummond. Op. cit. P. 159 ff. В современной историографии имеется противоположная точка зрения: например, Magdelain A. Remarques sur la société romaine archaïque // REL. 1971. 49. P. 103–27; Маяк И.Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983. С. 152–162.

Поэтому Драммонд склоняется к тому мнению, что римская клиентела изначально имела характер неформальных связей, основанных на обмене услугами. В услугах нуждались обе стороны.

При судебном деле клиент нуждался в поддержке патрона. По Законам XII таблиц большинство преступлений против частных лиц относились к *delicta privata* и привлекать преступника к ответственности должен был потерпевший. В этих условиях для защиты интересов гражданина жизненное значение приобретали персональные связи. Их не следует сводить исключительно к патронату, поэтому Драммонд наряду с патронатом рассматривает другие, конкурирующие системы, в том числе и горизонтальные связи: соседские, дружеские отношения. В Законах XII таблиц упоминаются члены товарищества (*sodales*)¹⁸; воинские товарищества, включавшие как лиц сравнительно высокого социального статуса, так и их клиентов, и слабо связанные с гражданской общиной, по мнению Э. Драммонда и А. Момильяно, играли важную роль в Средней Италии и в Риме в VI – начале V в.¹⁹

В свою очередь, клиенты могли оказать патрону политическую поддержку. Согласно данным исторической традиции, помощь клиентов позволяла патрициям долгое время сохранять власть в государстве. Возможно, это лишь домысел анналистов, – однако, как полагает Драммонд, картина очень правдоподобна и позволяет объяснить, почему патриции удерживали власть до начала IV в. до н.э. Когда плебеи отказывались от несения военной службы, войско, по Дионисию, набирали из клиентов. Возможно, это лишь отражение позднейших событий, когда клиентела помогала Сципиону и Помпею собирать армии. Однако, как предполагает Драммонд, в свидетельстве Дионисия могло отразиться глухое эхо подлинной традиции.

Если ранняя клиентела действительно имела политический и военный аспекты, то некоторые клиенты, как полагает Драммонд, могли обладать довольно высоким социальным статусом. Иначе их политическое и военное значение было бы невелико.

И все же массы независимых плебеев отстаивали свои права, в конечном счете им удалось изменить политическую систему: это доказывает, что клиентела (по крайней мере патрицианская клиентела) не распространилась на все общество. Как отмечает Брант, патронат и клиентела, вопреки утверждению Дионисия (*Ant. Rom.* II. 11. 2), не смогли обеспечить социальную стабильность и не предотвратили конечной победы плебса²⁰.

Однако Драммонд не исключает того, что уже в тот период круг патронов не ограничивался патрициатом. Возможно, свою роль в становлении плебейской верхушки могла сыграть клиентела плебейских родов. Если принять это допущение, то конечная победа плебеев не доказывает неэффективности персональных связей в политической борьбе²¹.

Следует признать, что перед историком стояла крайне сложная задача. При недостатке достоверных источников многое приходится домысливать, подобные умозрительные построения часто становятся мишенью для критики. Реконструкция архаичной клиентелы на базе отношений, бытовавших в период Поздней республики, представляется особенно уязвимым моментом в этой концепции: специфические черты, характерные только для ранней клиентелы, при таком методе работы не могут быть выявлены в принципе. Проблема требует дальнейших исследований, если в данном случае возможно достижение убедительного результата.

Глава «Рим и Италия в начале III века», написанная Э.С. Стейвли²², автором известной монографии, посвященной выборам в Греции и Риме²³, в действительности охватывает почти весь

¹⁸ Другая интерпретация *sodales*: Кофанов Л.Л. Законы XII таблиц и проблема *sodales* // Античность Европы. Межвузовский сб. научн. тр. Пермь, 1992. С. 15–21.

¹⁹ Drummond. Op. cit. P. 154 ff. Подробнее об этих союзах писал А. Момильяно в главе, посвященной возникновению Рима (*Momigliano A. The Origins of Rome* // САН (2nd ed.). Vol. VII. Pt. 2. Cambr., 1989. P. 52–112). Отражение этих реалий он видит в некоторых свидетельствах римской исторической традиции и в сатриканской надписи: посвящение Марсу от *suodales* некоего Публия Валерия, которого иногда отождествляют со знаменитым Публием Валерием Попликолой (*Ibid.* P. 98–99). Если родовые структуры и брачные союзы укрепляли римскую аристократию, то эти объединения, по мнению Момильяно, напротив, подрывали ее единство. О сатриканской надписи см. *Немировский А.И.* Надпись из Сатрика – опорный пункт раннеримской истории // ВДИ. 1983. № 1. С. 40–51; автор уверен, что речь идет о знаменитом консуле (там же, с. 48–49). На наш взгляд, это лишь правдоподобная гипотеза.

²⁰ Brunt. *The Fall of the Roman Republic...* P. 401.

²¹ Drummond. Op. cit. P. 161 ff.

²² Staveland. E.S. *Rome and Italy in the Early Third Century* // САН (2nd ed.). Vol. VII. Pt. 2. Cambr., 1989. P. 420–455.

²³ *Idem.* *Greek and Roman Voting and Elections.* Ithaca–New York, 1972. Особую главу историк посвятил электоральным «манипуляциям» (P. 191–216).

III век (до начала II Пунической войны). Автор не рассматривает отношения патроната-клиенты специально, однако высказывает в своем очерке ряд интересных соображений по этому вопросу. Согласно его мнению, в период Средней республики порядок голосования (по центуриям и трибам) позволял нобилитету осуществлять эффективный контроль над комициями с помощью даров, услуг и клиентских связей между знатыми кандидатами, с одной стороны, и городами и отдельными избирателями – с другой²⁴. По мнению Стейвли, центуриатные комиции в III в. были реформированы по инициативе знати с тем, чтобы обеспечить соперничество аристократических кандидатов «на равных условиях» и сделать исход выборов более предсказуемым; «результат выборов в центуриатных комициях... определяла скорее мобилизация клиентов, чем попытки убедить избирателя»²⁵.

Этому способствовало расширение гражданской общины в IV–III вв. до н.э. Большинство граждан теперь жили в далеких от Рима муниципиях и колониях, им было нелегко посещать комиции, для проявления электоральной активности требовались особые стимулы. Стейвли считает, что жители муниципиев обычно приезжали на выборы по приглашению кандидатов-патронов, в награду они получали различные *beneficia*. Такое положение было выгодно и для знати, и для избирателей, поэтому система была стабильна. Представления Стейвли о работе комиций согласуются с воззрениями Гельцера и его последователей. Однако другие вопросы получают совсем иную трактовку.

Автор не соглашается с гипотезой Мюнцера-Скалларда о господстве *factiones* – крупных и долговременных объединений знатных фамилий – в римской политической жизни; по мнению Г. Скалларда, они позволяли нобилиям, пользуясь клиентскими связями своих друзей, собрать голоса на комициях²⁶. Стейвли присоединяется к критикам этой концепции²⁷. Не все представители одного знатного рода достигали консулата – это заставляет усомниться в том, что *factiones* были долговечны и объединяли широкий круг родственников. Как бы ни высоко ставили римляне обязательства, основанные на *amicitia* и *gratia*, в преддверии консульских выборов позиция сенаторов, по мнению автора, в большей степени определялось их представлениями о собственной выгоде или о благе государства. Как полагает Стейвли, содействие кандидатам могли оказать не только родственники и друзья, но и политические единомышленники, однако такие объединения не были долговечны. Известную роль могли играть и сенаторы, не принадлежавшие к *factiones* и знатым родам, но обладавшие клиентелой среди избирателей и влиянием на исход выборов²⁸.

Стейвли придает решающее значение связям сенатора-патрона с избирателями-клиентами, однако гораздо меньшую роль он отводит персональным связям среди сенаторов. Последний момент получил довольно убедительное обоснование. Однако в целом концепция Стейвли не согласуется с выводами других авторов «Кембриджской древней истории» – Э. Линтотта²⁹, в некоторой степени – А.Э. Эстина. По их мнению, не только сенатор, но и избиратель мог отстаивать собственные политические интересы, не заботясь об интересах патрона.

В главе «Римское государственное устройство и политика, 200–134 гг. до н.э.» А.Э. Эстин³⁰ рассматривает персональные связи как одну из центральных проблем римской политической жизни.

Отмечая, что историки далеки от достижения консенсуса по данному вопросу, он подробно останавливается на концепции Гельцера и аргументах его критиков, проводит различия между идеями выдающегося немецкого историка и некоторых его продолжателей.

По его мнению, теория Гельцера, сменившая старые, идущие от Моммзена представления о борьбе партий «консерваторов» и «реформаторов» еще до Гракхов, гораздо лучше согласуется с данными источников. При исследовании римской аристократии Гельцер пришел к выводу, что

²⁴ Ibid. P. 439 ff.

²⁵ Ibid. P. 440.

²⁶ Scullard. Op. cit. Passim.

²⁷ Cassola F. I gruppi politici Romani nel III secolo a. C. Trieste, 1962. P. 8–23.

²⁸ Staveland. Rome and Italy... P. 446–447.

²⁹ Автор широко известных монографий: Lintott A.W. Violence in Republican Rome. Oxf., 1968; *idem*. Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic. Cambr., 1992; *idem*. Imperium Romanum. Politics and Administration. L.–N.Y., 1993; *idem*. The Constitution of the Roman Republic. Oxf., 1999.

³⁰ Astin A.E. Roman Government and Politics, 200–134 B.C. // CAH (2nd ed.). Vol. VIII. Cambr., 1989. P. 163–196. Из числа работ А.Э. Эстина следует выделить биографию Сципиона Младшего: *idem*. Scipio Aemilianus. Oxf., 1967. Книга выходит за рамки обычных биографических работ и является важным исследованием по римской политике во II в. до н.э.

нобили установили полный контроль над консулатом, ограничив доступ новых людей к высшей должности и, следовательно, превратились в почти замкнутую группу, так как нобилем становился только потомок консула. Поскольку знатность *de iure* не давала никаких привилегий, Гельцеру пришлось искать особое объяснение для исключительного электорального успеха аристократических семей, и он нашел это объяснение в системе персональных связей, основанных на взаимных услугах и обязательствах: *amicitia*, клиентела, другие отношения (землевладелец и арендатор, кредитор и должник). Наследственный характер этих связей стал социальной базой нобилитета, персональные связи, по Гельцеру, обеспечивали голоса клиентов-избирателей для патронов или их друзей. Содержание римской политики – не столько борьба политических программ, сколько личное соперничество аристократов³¹.

Мюнцер и Скаллард развили эту концепцию. Маловероятно, что собственная клиентела каждого избранного консула охватывала большую часть избирателей. Чтобы персональные связи обеспечили электоральный успех, кандидат должен был получать голоса чужих клиентов. По Скалларду, эту задачу выполняли *factiones*, долговременные объединения ведущих аристократических семей на основе родственных и дружеских связей (Гельцер писал о *factiones* с большей осторожностью³²: по его мнению, движение Гракхов, например, нельзя полностью свести к *factio*). Соперничество между *factiones*, по Скалларду, всецело определяло историю республики, причем борьба шла из-за должностей, влияния, славы, а не из-за каких-либо политических программ³³.

Этот подход вызвал критику. Избиратель не так легко поддавался на манипуляции при помощи персональных связей. Риторика, услуги и обещания, откровенная коррупция также шли в ход во время избирательной кампании, и все-таки в ряде случаев избиратели выносили самостоятельное суждение о персональных качествах кандидата³⁴. Эстин обращает внимание на сложность системы персональных связей и взаимных обязательств: у некоторых граждан было много патронов и друзей, интересы которых могли приходиться в противоречие, что мешало формированию замкнутых *factiones*. Персональные связи не полностью определяли исход выборов³⁵.

Разрушает ли эта критика концепцию Гельцера? По мнению Эстина, нет. Она лишь заставляет отказаться от некоторых интерпретаций его последователей, предостерегает от переоценки роли *factiones* и от схематизации в изображении персональных связей. Однако, несмотря на важные исключения, персональные связи зачастую определяли исход выборов и были первостепенным источником политического могущества. По Эстину, государственное устройство Рима в период Средней республики – не что иное, как олигархия. Аристократическое соперничество было важнейшим фактором политической жизни, в этот период римская политика редко связывается в источниках с борьбой экономических интересов или политических программ³⁶.

Эстин проводит различие между «двумя уровнями» политической деятельности: выборы магистратов, с одной стороны, с другой – принятие важных политических решений. Один уровень политической активности – электоральное соперничество. В этой сфере персональные связи были самым важным, но не единственным фактором: аристократическая культура имела constitutive характер, и для достижения электорального успеха даже самый знатный кандидат должен был иметь личные достижения, прежде всего в военной сфере. Играли роль личные качества и репутация кандидата, но не политические программы, поскольку самостоятельно консул не смог бы эти программы осуществить. Ибо принятие важных решений происходило на другом «уровне» политической деятельности. Здесь первостепенную роль играл сенат, а не магистраты. Решения определялись интересами правящей олигархии в целом. Сенат был настроен консервативно и был занят разрешением конкретных проблем, не имея долгосрочных «программ». Наличие персональных связей в среде сенаторов, в том числе и клиентелы, не отрицается автором, однако существование устойчивых *factiones* на их основе Эстин отвергает. При обсуждении конкретного вопроса сенаторы могли разделиться, но едва ли такие разногласия имели далеко идущие последствия³⁷.

Гораздо дальше в ревизии традиционных гипотез о персональных связях зашел известный специалист по Поздней республике, ответственный редактор IX тома «Кембриджской древней

³¹ *Idem*. Roman Government... P. 168–169; *Gelzer*. The Roman Nobility. P. 54 ff., esp. 136.

³² *Gelzer*. The Roman Nobility. P. 124 ff.

³³ *Scullard*. Op. cit. *Passim*; *Astin*. Roman Government... P. 169–170.

³⁴ *Astin*. Scipio Aemilianus. P. 28 f.

³⁵ *Ibid*. P. 80–96.

³⁶ *Astin*. Roman Government... P. 171 f.

³⁷ *Ibid*. P. 173 f.

истории» Э. Линтотт. В главе «Политическая история, 146–95 гг. до н.э.»³⁸ он указывает на демократические аспекты в римской политической жизни: тенденция, наметившаяся к тому времени в литературе³⁹. Демократический элемент, по мнению Линтотта, в первую очередь проявляется в работе комиций. Как отмечал историк, рост электоральной коррупции противоречит распространенному убеждению, согласно которому результат голосования целиком определялся клиентскими связями. Иначе подкуп был бы не нужен и не приносил бы результатов⁴⁰. В ряде случаев избиратели голосовали по собственному почину: одобряя такие законы, как *lex Gabinia* или *leges Porciae de provocatione*, они, вероятно, имели в виду содержание самого закона, а не связи с патроном. Кроме того, обновление римской политической элиты, доказанное в указанной выше работе Хопкинса и Бёртона, не согласуется с мнением о контроле нобилитета над комициями.

На какой основе строилась римская политика? Согласно концепции Гельцера, главную роль играли личные услуги (*officia, beneficia*) и ответные услуги (*gratia*), благодаря которым развивались персональные связи и *factiones* на семейной основе, полностью определявшие курс римской политики. Линтотт выдвигает ряд возражений⁴¹. *Factiones* в том смысле, в котором употребляют это слово последователи Гельцера, отсутствуют в источниках, в том числе и в период, подробно освещенный благодаря письмам Цицерона: для электорального успеха особенно важна поддержка триб, *sodalitates*, но не *factiones* (*Cic. Comm. Pet. Passim.*). Линтотт отмечает, что на представления некоторых историков о персональных связях и *factiones* в Риме повлияли исследования, посвященные другой стране и эпохе (Англия XVIII в.)⁴². Действительно, в самом начале своего труда Г. Скаллард проводит аналогию между олигархиями Британии и древнего Рима⁴³. По замечанию историка, оказавшись в Англии XVIII в., римский аристократ не почувствовал бы разницы; для характеристики римской политической жизни антиковед приводит цитату со ссылкой на монографию Л. Нэмира⁴⁴. Появляется опасность модернизации. Политические партии европейских парламентов соперничают за право формировать постоянное правительство – в этом смысле каждая партия добивается «власти над государством». В Римской республике подобного «правительства» не было, поэтому, по мнению Линтотта, ни одна из *factiones* не могла «прийти к власти»⁴⁵.

Даже если *factiones* существовали, не ясно, как они привлекали голоса избирателей. Непрочны были дружественные и родственные связи в среде сенаторов (можно вспомнить о родстве Сципиона с Гракхами и о предательстве Квинта Помпея по отношению к Сципиону). Часто граждане были клиентами многих лиц, что давало им простор для маневра: по этой причине участники *factio* не могли твердо положиться на массы клиентов⁴⁶. Даже рост электоральной коррупции свидетельствует скорее об ослаблении, чем об усилении контроля аристократии над избирателем⁴⁷.

Автор обращает внимание и на деятельность популяров и оптиматов: хотя и те и другие происходили из элиты, не следует отрицать различия в их идеологии. Популяры и оптиматы использовали стандартный набор лозунгов и политических программ. Присутствие у политиков

³⁸ *Idem.* Political History, 146–95 B.C. // CAH (2nd ed.). Vol. IX. Cambr., 1994. P. 40–103.

³⁹ *Idem.* Democracy in the Middle Republic // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. 1987. 104. P. 34–52; *Millar F.G.W.* Politics, Persuasion and the People before the Social War (150–90 B.C.) // *JRS*. 1986. 76. P. 1–11.

⁴⁰ Позднее эту концепцию развил А. Якобсон (*Yakobson A.* Elections and Electioneering in Rome. A Study in the Political System of the Late Republic. Stuttgart, 1999. P. 26–43).

⁴¹ *Lintott.* Political History... P. 46 ff.

⁴² *Namier L.B.* The Structure of Politics at the Accession of George III. L., 1929. Автор этой работы исследовал персональные связи в правящей партии парламента. По его мнению, именно этот фактор играл определяющую роль в английской политической жизни.

⁴³ В первых же словах своей книги Скаллард цитирует Роберта Пиля: «*Damn the Whigs, they are all cousins*» – слова, произнесенные в 1835 г. (*Op. cit.* P. 1).

⁴⁴ «Семь десятков могущественных семей... вершили дела в государстве» (*Ibid.* P. 30).

⁴⁵ *Lintott.* Political History... P. 50.

⁴⁶ *Ibid.* P. 51; *Brunt.* The Fall of the Roman Republic... P. 382 ff. В идеале у клиента мог быть только один патрон, на практике это правило обычно не соблюдалось (*Saller R.* Patronage and Friendship in Early Imperial Rome: Drawing the Distinction // *Patronage in Ancient Society*... P. 53; *Wallace-Hadrill.* Patronage in Roman Society: from Republic to Empire. P. 65–68, 78–81).

⁴⁷ *Lintott A.* Electoral Bribery in the Roman Republic // *JRS*. 1990. 80. P. 1–16. См. также *Yakobson.* *Op. cit.* P. 141–147.

личных амбиций не мешало тому, что объективно их деятельность служила интересам той или иной группы граждан.

Из этого не следует, что клиента совсем не имела значения. *Lex Acilia (Sempronia) de iudiciis repetundarum* говорит об обратном: лица, связанные узами *fides* с обвиняемыми, не должны были выступать в качестве обвинителей или свидетелей обвинения. Во время крупных судебных процессов персональные связи имели значение, обвиняемые и обвинители ожидали поддержки со стороны родственников и друзей⁴⁸. Однако в том же законе говорится и о связях, существовавших лишь в прошлом. Следовательно, со временем узы клиентелы ослабевали⁴⁹.

В дальнейшем изложении «событийной» истории у Линтотта очень редко заходит речь о персональных связях. Лишь применительно к послегражданскому периоду он излагает существующую в историографии точку зрения о господстве *factio* Метеллов⁵⁰, но сам к ней не присоединяется⁵¹.

Таким образом, Э. Линтотт предполагает, что клиента не играла серьезной роли в политике, за исключением важных судебных процессов. Эту точку зрения он отстаивает и в более поздней работе⁵².

Оксфордский антиковед Н. Перселл в главе «Город Рим и *plebs urbana* в период Поздней республики» рассматривает проблему клиентелы, на наш взгляд, в наиболее интересном ракурсе⁵³. Автор уделяет внимание не только политическим и социальным, но и экономическим аспектам клиентелы. Перселл доказывает, что основными источниками доходов римского плебея были лавка (*taberna*) и мастерская (*officina*), удовлетворявшие запросы знати и связанные с ней экономически⁵⁴. «Рим был городом лавок, его жители были народом лавочников»⁵⁵.

Большинство плебеев зарабатывали на жизнь самостоятельно: хлебные раздачи не могли покрыть всех расходов горожан. Многие из них пользовались известным достатком и независимостью, и не следует переоценивать долю вольноотпущенников и пролетариев в плебейской среде⁵⁶.

Автор обращает внимание на структуру и организацию римского плебса: горожане входили в профессиональные (*collegia*) и территориальные объединения (*vici, pagi, montes*)⁵⁷. Плебейские корпорации были соединены со знатью узами клиентелы, однако это были связи разного плана. *Collegia* были связаны с аристократами на экономической основе, *vici* – на основе территориальной (дома нобилей нередко соседствовали с жилищами плебеев). В последнем случае клиента могла развиваться посредством манумиссии: вольноотпущенники знатных фамилий должны были составлять значительную и весьма влиятельную часть плебса в кварталах, примыкающих к домам их патронов⁵⁸.

Пользуясь связями в плебейской среде, аристократы направляли деятельность горожан на комициях, на сходках и во время мятежей. Автор присоединяется к точке зрения Линтотта и Вандерброска⁵⁹: инициаторами волнений в городе, как правило, выступали римские политики. Тем не менее городской плебс не был лишь орудием в руках знати. Развитие аристократического патроната в условиях численного роста городского плебса, получавшего все большее политическое значение, создавало, как это ни странно, потенциал для развития «нового рода демократии»⁶⁰.

Дело в том, что плебс был не только объектом, но и субъектом политики: городские плебеи могли использовать отношения патроната-клиентелы в своих целях. Жизнь в городе была пол-

⁴⁸ Gruen E.S. *Roman Politics and the Criminal Courts*, 149–78 BC. Cambr., 1968. P. 279 ff.; *idem*. *The Last Generation of the Roman Republic*. Berkeley, 1974. P. 260 ff.

⁴⁹ Lintott. *Political History*... P. 51 f.

⁵⁰ Badian E. *Caepio and Norbanus* // *Studies in Greek and Roman History*. Oxf., 1964. P. 34–70; Gruen. *Roman politics*... P. 106–135.

⁵¹ Lintott. *Political history*... P. 87 f.

⁵² *Idem*. *The Constitution*... P. 164–181.

⁵³ Purcell N. *The City of Rome and the Plebs Urbana in the Late Republic* // *CAH* (2nd ed.). Vol. IX. Cambr., 1994. P. 644–688.

⁵⁴ *Ibid.* P. 659–673.

⁵⁵ *Ibid.* P. 659.

⁵⁶ *Ibid.* P. 656 f.

⁵⁷ *Ibid.* P. 673–75.

⁵⁸ *Ibid.* P. 669, 675.

⁵⁹ Lintott. *Violence*... P. 175–208; Vanderbroeck P.J.J. *Popular Leadership and Collective Behaviour in the Late Roman Republic* (ca. 80–50 BC.). Amsterdam, 1987. P. 161–171.

⁶⁰ Purcell. *Op. cit.* P. 676.

на опасностей: пожары и наводнения, продовольственные кризисы, проблема долгов, плата за жилье, насилие, угроза разорения – все эти опасности и нестабильность городской жизни связывали плебеов друг с другом и с патронами, от которых исходили благодеяния. С другой стороны, римских плебеов объединяли не только опасности, но и *commoda* городской жизни: празднества, зрелища⁶¹. Вслед за П. Вейном⁶² Перселл заключает, что плебс умел извлекать выгоду из господствующего положения своего города; можно говорить даже о некоторой «аристократизации» римского населения. Политики разного толка соперничали за клиентелу в среде городского плебса, плебеи имели выбор и использовали отношения патроната-клиентелы в своих интересах, поддерживали на комициях и сходках того, кого считали нужным поддержать.

Таким образом, аристократический и демократический элементы в общественной жизни Поздней республики, сенаторская элита и городской плебс оказались неразрывно связаны благодаря узам патроната-клиентелы. Этот подход, представленный в работе Перселла, нам кажется весьма плодотворным. Позднее эта точка зрения отразилась и в монографии А. Якобсона⁶³. Неравенство социального статуса и возможностей сторон в отношениях патроната-клиентелы не исключают того, что и клиент мог активно отстаивать собственные интересы. Разработка этих идей представляется весьма перспективной.

Проблема патроната и клиентелы в республиканском Риме была освещена на страницах «Кембриджской древней истории» пятью разными учеными. Их выводы не совпадают, и вопрос не получил однозначного разрешения. В этом можно увидеть и положительные аспекты: в фундаментальном издании был отражен целый спектр мнений современных антиковедов. Никто из авторов «Кембриджской древней истории» без серьезных оговорок не принимает концепцию Гельцера, в этом историки сходятся. Одни исследователи (Э.С. Стейвли, А.Э. Эстин) модифицируют эту концепцию, другие (Э. Линтотт, Н. Перселл) полностью отходят от нее⁶⁴. Если Э. Линтотт не придает большого значения связям патроната-клиентелы в республиканскую эпоху, то Н. Перселл по-новому освещает проблемы клиентелы в политической борьбе. Правда, и он далек от абсолютизации роли персональных связей. По мнению Перселла, клиенты были не только объектом, но и субъектом политических решений: нам эта идея представляется особенно плодотворной⁶⁵. Было бы интересно именно в этом аспекте исследовать отношения римских патронов не только с городским плебсом, но и с муниципальной знатью. Согласно последним исследованиям, даже провинциалы в какой-то мере проявляли политическую активность и пытались повлиять на образ мыслей римской элиты⁶⁶.

Вместе с тем провинциальная клиентела в республиканский период оставлена без внимания авторами «Кембриджской древней истории»: даже в главе, посвященной управлению провинциями⁶⁷, этот вопрос не рассматривается. Это трудно объяснить: концепция «иностранный клиентелы», разработанная Э. Бэдианом⁶⁸, пользуется широкой известностью и не опровергается теми аргументами, которые обычно выдвигают против Гельцера⁶⁹. Интересно, что П. Брант, решительно отрицавший серьезное политическое значение клиентелы внутри гражданского коллектива, концепцию Бэдиана критиковать не стал⁷⁰.

⁶¹ *Idem.* P. 680–688.

⁶² *Veyne P.* Le pain et le cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique. P., 1976. P. 375–490.

⁶³ *Yakobson.* Op. cit. P. 228–233.

⁶⁴ То, что первые написали свои главы в 80-х годах прошлого века, а вторые – в 90-х годах, возможно, отражает общие тенденции в трактовке проблемы политической роли клиентелы.

⁶⁵ Ср. взаимоотношения римских полководцев последнего столетия Республики с их войсковой клиентелой (*Махлаюк А.В.* Войсковая клиентела в позднереспубликанском и раннеимперском Риме // ВДИ. 2005. № 3. С. 36 слл.).

⁶⁶ *Yarrow L.M.* Historiography at the End of the Republic. Provincial Perspectives on Roman Rule. Oxf., 2006. P. 1–17, 281–282.

⁶⁷ *Richardson J.* The Administration of the Empire // САН (2nd ed.). Vol. IX. Cambr., 1994. P. 564–598.

⁶⁸ *Badian E.* Foreign Clientelae (264–70 B.C.). Oxf., 1984.

⁶⁹ Критические суждения Э.С. Груэна имеют иной характер: Груэн считает, что при средиземноморской экспансии римляне принимали «правила игры», уже сложившиеся в эллинистическом мире, и не распространяли на восточные провинции специфически-римские институты (*clientela*): *Gruen E.S.* The Hellenistic World and the Coming of Rome: in 1–2 Vol. Berkeley, 1984. Vol. 2. P. 158 ff. Однако речь идет о межгосударственных отношениях, а не о персональной клиентеле. Значение персональных связей как таковых не отрицается. Кроме того, в монографии Груэна речь идет о III–II веках до н.э.

⁷⁰ *Brunt.* The Fall of the Roman Republic... P. 392 f.

Отметим, что персональные связи в период империи описаны подробнее: отдельная глава почти целиком посвящена различным видам клиентелы⁷¹, в главе об императорском дворе⁷² эти вопросы также занимают важнейшее место.

Таким образом, проблема патроната и клиентелы в республиканский период получила в «Кембриджской древней истории» ряд интересных, но противоречивых трактовок. Серьезные расхождения в позициях разных авторов неслучайны: в новом издании «Кембриджской древней истории» отразилась смена парадигмы в изучении политической жизни Римской республики. Подводя итоги этому обзору, можно констатировать, что традиционная трактовка института патроната клиентелы и, в целом, персональных связей как универсального средства, с помощью которого республиканская знать обеспечивала свою монополию на власть, уже изжила себя. Вместе с тем игнорировать персональные связи при изучении политической жизни республиканского Рима было бы большой ошибкой⁷³.

Д.Я. Годкин

⁷¹ Saller R.P. Status and Patronage // CAH (2nd ed.). Vol. XI. Cambr., 2000. P. 817–854.

⁷² Wallace-Hadrill A. The Imperial Court // Ibid. P. 283–308.

⁷³ Cp. *idem*. Patronage in Roman Society: from Republic to Empire. P. 63–87, esp. 84 f.; *idem*. Introduction // Patronage in Ancient Society... P. 7 f.

© 2008 г.

Chr. J. Smith. The Roman Clan. The Gens from Ancient Ideology to Modern Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006 (W.B. Stanford Memorial Lectures). 393 p. ISBN 978-0-521-85692-8

Появление новой книги известного специалиста по античной истории профессора Кристофера Смита¹, посвященной ключевой форме организации римской аристократии, кажется результатом действия целого ряда факторов. Во-первых, современный мир не перестает обсуждать взаимоотношения правящих классов с обществом («теория элит»)². Во-вторых, внимание исследователей продолжает привлекать правящий слой Римской республики³. В-третьих, в науке значительное внимание уделяется роли родства в становлении римского общества и государства⁴. И наконец, хотя научному сообществу и удалось выстроить относительно непротиворечивую концепцию исторического развития раннего Рима⁵, неудовлетворенность достигнутым

¹ Christopher Smith (School of Classics, University of St Andrews). См. *Сидорович О.В.* Рец.: *Smith Chr. Early Rome and Latium. Economy and Society c. 1000 to 500 B.C. Oxf., 1996. 290 p. // ВДИ. 1999. № 2. С. 234–238.*

² Mills C.W. The Power Elite. Oxf., 2000 (1956¹); Hunter F. Community Power Structure: A Study of Decision Makers. Garden City (N.Y.), 1963; Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs (New Jersey), 1976; Bottomore T. Elites and Society. 2nd ed. L., 1993; Lasch Chr. The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. N.Y., 1995.

³ См. Hölkamp K.-J. Die Entstehung der Nobilität. Stuttgart, 1987; *idem*. Rekonstruktionen einer Republik. Die politische Kultur des antiken Rom und die Forschung der letzten Jahrzehnte. München, 2004; *idem*. Senatus Populusque Romanus. Die politische Kultur der Republik – Dimensionen und Deutungen. Wiesbaden, 2004; Flower H.I. Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture. Oxf., 1996; Humm M. Appius Claudius Caecus. La République accomplie, Rome, 2005.

⁴ См. Bettini M. Familie und Verwandtschaft im antiken Rom. Frankfurt a.M.–New York, 1992; Linke B. Von der Verwandtschaft zum Staat. Die Entstehung politischer Organisationsformen in der frühromischen Geschichte. Stuttgart, 1995.

⁵ См. Grandazzi A. La fondation de Rome. Réflexion sur l'histoire. P., 1991; Cornell T.J. The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC). L.–N.Y., 1995.